

порыву казалось ему иногда падением всего дела. И так как раздваивался жизненно он менее других и, раздвоившись, не мог так же удобно, как всякий "герой нашего времени", одной своей половиной тосковать и мучиться, а другой половиной только наблюдать тоску своей первой половины, сознавать и описывать эту тоску свою, иногда даже в прекрасных стихах, с самообожанием и с некоторым гастрономическим наслаждением, — то и заболел тоской своей весь, целиком, всем человеком".

Далее, говоря о некоторых своих конфликтах с А. Григорьевым, Достоевский добавляет, что Григорьев был "очень строг" и "ничего не понимал в практической стороне дела", неумело "и голословно" приводил свои убеждения, в нем не было "такта", этой "гибкости", он, "по своей гамлетовской мнительности, может быть, думал, что от него добиваются отступничества" там, где требовались всего лишь "постепенность" и "такт".

Итак, в восприятии Достоевского, "русский Гамлет" прежде всего "страстен", "капризен", "порывист" и именно порыв свой в любом деле считает чем-то высшим и неоспоримым. Он живет в мире созданных им представлений весь, целиком, и так же "весь" впадает иногда в тоску. Он был бы скорее Дон-Кихотом по строгости и непреклонности своих убеждений, но над всем стоит "гамлетовская мнительность", которая, в конечном счете, и руководит его поступками.

Вместе с этим Достоевский определяет два по-своему противоположных друг другу типа русских Гамлетов: одни — "менее раздваиваются" и по натуре своей все время стремятся к цельности: дело — так делу весь, тоска — так весь в тоску (А. Григорьев); другие — в раздвоении и очень привычно и "удобно" одной половиной тоскуют и страдают, а другой анализируют и описывают "эту тоску свою". (Возможно, что Достоевский имеет здесь в виду Лермонтова.)

Такое широкое понимание "русского Гамлета" показывает, что для Достоевского с этим традиционным литературным типом связано представление о так называемом ищущем герое. Это — наиболее субъективный герой, хотя автор совсем не обязательно разделяет его мировоззрение. Напротив, ему могут быть прямо противопоставлены другие идеалы, а герой — все-